

Начался дождь. Хотя дождя не было уже несколько недель, небо над головой внезапно затянуло пеплом, и густой дождь начал поливать мир внизу. Вскоре к ним присоединился и гром - словно по воле мира, в отчаянной попытке скрыть происходящее. Замаскировать это. Отправить на пенсию многочисленные души, сохранив хотя бы толику достоинства. Но этого было недостаточно.

Крики агонии, ужаса, страха и чистого безумия были громче раскатов грома. Запредельно красное море мерцало под дождем, окрашивая его в багровый цвет. Трупы погрязли в грязи, неотличимые один от другого, холмы казались похожими на курганы.

Ночь опустилась быстро, окутав зрелище крошечной тьмой, ибо ни смертным, ни бессмертным не подобало быть свидетелями. Вален и другие уже давно отвернулись и спрятались, закрыли глаза и уши и качались, как укачанные младенцы. Единственной, кто остался, была Аша, скрытая в облаках безвестности, ее глаза остекленели от сложных эмоций.

На ее плече сидел ворон, неподвижный, как время. Пара смотрела не отрываясь, смотрела на то, что оставит шрам даже тогда, когда время будет свернуто. Такие моменты, как эти, остаются вытравленными в песках времени, это постоянная рана, которая будет гноиться вечно.

"Он - смерть, дорогая", - сказал ворон.

"... он такой", - мрачно ответила Аша. "Ты тоже это видишь? Знак".

"Да. У матери был тот же Знак".

"Да. Он был еще темнее".

"Хотя он и Смерть, но не Жнец, дорогая лань", - сказал ворон. "В конце концов, он все еще человек".

"..."

"У тебя есть сомнения?"

"Да", - слабо кивнула Аша. "Я беспокоюсь. Я беспокоюсь, что мы превратили его в то, чем он никогда не хотел быть".

"Мало кто желает стать Смертью, дорогая лань. А те, кто желает, не стоят Знака. Он сделал выбор".

"... он сделал это", - вздохнула Аша. "И все же... почему... почему это разбивает мне сердце, видеть его таким?" Она посмотрела в сторону и на ворона. "Прямо как тогда, когда мать пометила тебя".

"Ты любишь его", - сказал ворон, внезапно взлетев к макушке Аши. "И Знак кровотоцит сердце. Но, дорогая лань, он не такой, как я, или даже мать. Мое сердце в конце концов облилось холодной кровью, ибо Знак леденеет. Но... у него не одно сердце. Вот почему он сопротивляется до сих пор. Время стирает все, и никогда не было мужчины или женщины, которые сопротивлялись бы искушению небытия так долго, как он".

"Вот почему это так больно", - сказала Аша. "Он чувствует это, до сих пор. Все это".

"Тогда будь рядом с ним, когда ветры остынут и кровь высохнет".

"..." ворон исчез в клубах пепла и ветра, исчез, словно его и не было. В этот момент последний крик, казалось, отозвался эхом - и тишина резко сменилась покоем.

Она видела его вдалеке, за покровом темноты, ночи и трупов. Его спина казалась такой... маленькой. Та, что раньше несла на себе тяжесть небес, теперь выглядела несравнимо маленькой, сгорбленной. Он опирался на меч, воткнутый в землю, его кожа была полностью багровой от крови.

Она подошла к нему, и он понял, что она здесь, только когда она остановилась перед ним. Взгляд его глаз был преследующим, едва ли он был в сознании. Он тяжело дышал, его лицо все еще было залито свежей кровью.

"...Слава богам, ты забудешь это дерьмо", - сказал он, выпрямляясь, вытирая кровь со лба и убирая прилипшие к нему волосы. "Странно, что ты сейчас не визжишь".

"У меня внутри все скрипит", - слабо улыбнулась она, вызвав бутылку с водой и умыв ему лицо.

"Конечно", - сказал Сайлас, потягиваясь и опуская меч.

"Сколько раз ты умирал?" - спросила она.

"Одиннадцать? Может быть?" ответил Сайлас. "Честно говоря, на полпути все стало как в тумане. У меня все еще осталось два сердца, так что я никогда не был в реальной опасности".

"Да, да, ты просто герой. Один человек против целой армии. Песни будут спеты".

"Больше похоже на ужастики", - сказал Сайлас. "Хочешь поспорить со мной о том, как они отреагируют? Спорим, половина из них встанет на колени при виде меня, молясь, чтобы я не убил и их. Половина другой половины будет проповедовать, что я зашел слишком далеко. Оставшаяся половина половины будет умолять меня, чтобы я продолжал это дерьмо".

"... люди предсказуемы", - сказала она. "Ну, кроме тебя. Тебе всегда удается удивить меня".

"То же самое", - легкомысленно усмехнулся он. "Ты, должно быть, действительно любишь меня, да?"

"Хм?" она изогнула бровь.

"Ну, вот ты здесь. Смываешь кровь с моего лица. В окружении буквально десятков тысяч трупов, которых я убил. Почему-то мне кажется, что я развратил тебя".

"О, ну, да. Ты, конечно, сделал это", - сказала она. "Я была чистойшей девой, понимаешь? Замужем за богами. Но ты украл меня, как дьявол! Околдовал меня своими чарами. И теперь..."

теперь я под твоими чарами, как игрушка! Какая проклятая судьба, не правда ли?" Сайлас тихонько закатил глаза, когда Аша вызвала два стула, и они сели.

"Твой язык растет".

"Должен, чтобы не отставать от твоего".

"... это ужасно, Аша".

"Что такое?"

"Я не чувствую этого".

"Чего?"

"Чувства вины".

"..."

"Во мне зияет дыра", - сказал он, глядя вниз. "И я... Я знаю, что должен что-то чувствовать. Но... ничего нет".

"Но ты чувствуешь это?"

"... а?"

"Эмоции не зависят от сердца, Сайлас", - сказала она. "Они в равной степени относятся как к голове, так и к сердцу. Без вины виноватые даже не знают, что должны чувствовать вину. Иногда... достаточно просто знать".

"...У тебя действительно растет язык", - сказал он. "Ты должна заставить его остановиться".

"Э-э-э?"

"Да ладно. Единственное, что я привношу в эти отношения, - это быстрый и острый ум и нефильтрованный язык", - сказал Сайлас. "Если ты отнимешь это у меня, то кто я? Просто тело, полное идеальных мышц?"

"Мне этого достаточно, понимаешь?" - улыбнулась она.

"Я вдруг почувствовал себя таким грязным".

"Тогда мы точно не должны дарить тебе зеркало".

"... ааа. Вот оно. У меня ничего не осталось", - Сайлас повалился набок. "Это... это как будто моя цель истощается горячей штукой рядом".

"Хотя я бы с удовольствием потакала твоим глупостям", - сказала Аша. "Думаю, пришло время, Сайлас".

"Для чего?"

"Увидеть лица людей, ради которых ты это сделал", - сказала она. "Рано или поздно тебе придется встретиться с ними лицом к лицу. Нет, не так", - быстро перебила она. "Только рано".

"Да, наверное. Пришло время посмотреть, как некоторые детишки обделаются", - Сайлас встал и потянулся. "По крайней мере, их реакция будет нормальной, по сравнению с твоей".

"Ты хочешь сказать, что я ненормальная?"

"Ты хочешь сказать, что это не так?"

"Ну, это просто разбивает мне сердце", - сказала она, взяв его за руку. "С тобой все будет в порядке?" - спросила она.

"Да", - сказал он. "Это будет не в первый раз".

Через десять минут они снова прошли сквозь тьму и груды трупов и добрались до лагеря. Там, как он и предполагал, он увидел, что все смотрят на него - глаза застыли в сотнях эмоций, больше, чем могло сосчитать сердце. Кто-то дрожал, кто-то смотрел вниз, кто-то кипел... тысячи губ произносили тысячи слов.

"... блин, слава богам, что мне не надо сейчас пукать", - сказал Сайлас, отцепив свою руку от руки Аши и откинув назад волосы, которые снова начали падать. "Ладно, вы все. Выходите. Не надо трусить. Кто здесь считает меня дьяволом или кем-то еще, может выйти и ударить меня пару раз ножом. Я истеку кровью, как все мужчины. Но да, я не умру. Это делает меня дьяволом? Я ни хрена не знаю. Может быть? И еще, те немногие из вас, которые выглядят так, будто собираются начать поклоняться моей заднице, просто помните, что это я взял тот сральник, от которого половина из вас, чурбанов, задыхается и ржет. Так что, проваливайте."

"... ты выглядишь так, как будто из тебя получился бы хороший дровосек", - неожиданно сказал Деррек, от его слов большинство людей чуть не упали. Хотя казалось, что многие хотели рассмеяться, они сдержались, в то время как Сайлас странно смотрел на мужчину. Он знал, что однорукий рыцарь хотел рассеять тяжелую атмосферу... но у него это не очень хорошо получалось.

"Почему? Потому что я могу раскалывать людей одним движением, так что я смогу раскалывать бревна еще чище?".

"Да".

"Что ж, это правда", - сказал Сайлас. "У меня есть все качества хорошего дровосека - роскошная борода, тело, соответствующее этому, и суровое лицо, которое заставляет женщин верить, что это пик мужественности. Знаешь, чего у меня нет?".

"Чего?"

"Чертова топора, как ни странно".

"Пфф..."

"Позволь мне спросить тебя кое о чем", - внезапно сказал он, его голос стал безэмоциональным. "Ты счастлив?"

"..."

"Если бы ты вышел сражаться в том виде, в котором был, ты бы погиб".

"..."

"Я не слепой. Никто из нас не слеп, в глубине души. В тебе есть ликование. Ужас, ненависть, горе и проклятие - тоже. Но ликование присутствует. Жизнь драгоценна, в конце концов. Но... ты счастлив от этого?"

"..."

"Ты видел, как человек убил целую армию. И ты осадил грехи, которые должны были быть твоими, на меня. Тебя это устраивает? Потому что, если да, я отброшу всех вас, ублюдков, на север, посажу принца себе на спину и пойду на столицу в одиночку".

"Он имеет в виду", - Аша нежно погладила его по затылку. "Это то, что ему ужасно стыдно за то, что он сделал, и он хочет разделить часть бремени в следующий раз".

"Что? Нет, это совсем не то, что я говорю!"

"Заткнись и получи помощь, идиот!"

"Несмотря на все остальное", - Вален вдруг заговорил, слабо улыбаясь. "Ты не дьявол, Сайлас. И никогда им не был. Ты такой же, как мой отец - тот, кого невозможно оценить обычными средствами. Ты прав. Мы дрожали и тешили себя мыслью о легкой победе. И ты ее одержал - и наши сердца теперь бьются в противоречии. Довольно дорогая цена за урок, который можно было преподать словами, не так ли?" - добавил принц, выгнув бровь.

"Ах, да. Слова. Могущественная вещь. Жаль, что вы все глупые. Без обид - я тоже. Иначе я бы нашел способ достучаться до вас".

"Нет, нет", - сказала Аша. "Я уверена, что это только ты глупый".

"Ладно, ладно. Я понесу бремя глупости! Ах. Точно. Очаровательные слова не исправят ситуацию, так что те немногие из вас, кто собирается вонзить кинжал в мое горло, когда я сплю... подумайте дважды. Двести тысяч человек недавно проткнули меня тысячи раз... а я все еще стою", - его слова, хотя и произнесенные непринужденно, охладили мир - они забыли, пусть и на мгновение, о реальности, свидетелями которой они стали. "Так что, если только этот

кинжал не был омочен и благословлен богами, я бы оставил праведную ярость при себе. Увы, время речей прошло. Найдите несколько храбрецов с хорошими желудками, чтобы пойти и забрать то, что можно использовать повторно. А я пойду вздремну".

Тишина последовала за ним в темноту, хотя высокие плечи слегка сжались под бесчисленными взглядами. И все же улыбка тихо шептала на его губах - потому что он нашел это в глубине своего сердца. Хотя это было всего лишь мгновение... он почувствовал это - чувство вины. Он все еще был человеком, будь проклят его сломанный разум.

<http://tl.rulate.ru/book/66231/2731507>